

КАРЕН М. МАКМАНУС

ДВОЕ
МОГУТ

Если один мертв...

ХРАНИТЬ
СЕКРЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «Макманус»

Karen M. McManus

TWO CAN KEEP A SECRET

Перевод с английского *Е. Дод*

Серийное оформление
и дизайн обложки *В. Давлетбаевой*

First published in English in the US by Delacorte Press,
an imprint of Random House Children's Books,
a division of Penguin Random House LLC, New York.

Печатается с разрешения автора и литературного
агентства Intercontinental Literary Agency Limited.

Макманус, Карен М.

М15 Двое могут хранить секрет : [роман] / Карен М. Макманус ; [перевод с английского Е. Дод]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Макманус).

ISBN 978-5-17-185248-1

Эхо-Ридж. Очаровательный городок, будто сошедший с рекламного проспекта. Городок, где теперь предстоит жить старшекласснице Эллери и ее брату-близнецу. Городок, в котором произошла череда загадочных происшествий...

Недавно на одной из улиц города был насмерть сбит учитель местной школы — виновник скрылся с места аварии. Пять лет назад — безжалостно убита школьная «королева красоты», выпускница Лейси... А еще несколькими годами ранее из Эхо-Ридж бесследно исчезла Сара — родная тетья Эллери.

Могут ли все эти случаи быть как-то связаны? Эллери и ее одноклассник Малкольм решают во всем разобраться.

С каждым днем они становятся все ближе к истине, но какую цену им придется за это заплатить?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Karen M. McManus LLC, 2021
© Перевод. Е. Дод, 2021
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

ISBN 978-5-17-185248-1

*Посвящается Габриэле,
Каролине и Эрику*

Пятница, 30 августа

Если бы я верила в приметы, то эту назвала бы плохой.

На багажной карусели остался только один чемодан. Ярко-розовый, обклеенный стикерами «Хелло Китти» и совершенно точно не мой.

Опираясь на ручку своего громадного чемодана, мой брат Эзра наблюдает, как это чудовище в четвертый раз проплывает мимо нас. Толпа вокруг карусели почти рассеялась, кроме парочки, которая ссорится из-за того, кто должен был отследить бронь их прокатного автомобиля.

— Может, возьмешь этот, — предлагает Эзра. — Хозяйка, кто бы она ни была, летела, похоже, не нашим рейсом, а гардеробчик у нее, спорим, прикольный. Скорее всего, куча вещей в горошек. И с блестками. — Звонит его телефон, и он достает его из кармана. — Бабуля ждет нас на улице.

— Просто невероятно, — ворчу я, пиная ногой в кроссовке металлический бок карусели. — В том чемодане вся моя жизнь.

Небольшое преувеличение. До последних почти восьми часов вся моя *настоящая* жизнь находилась в Ла-Пуэнте, штат Калифорния. За вычетом нескольких ящиков, отправленных в Вермонт на прошлой неделе, в чемодане находятся остатки.

— Наверное, нужно написать заявление. — Эзра окидывает взглядом зону выдачи багажа, приглаживая свои коротко стриженные волосы. До недавнего времени у него были густые темные кудри, постоянно падающие, как и у меня, на глаза, и я до сих пор не могу привыкнуть к новой прическе, которой он обзавелся летом. Брат берет свой чемодан на изготовку и поворачивается к стойке информации. — Думаю, нам туда.

Тощий парень за стойкой, с россыпью красных прыщей на щеках и подбородке, похож на старшеклассника. Золотистая карточка с именем «Энди» неровно приколоты к его синей безрукавке. Энди кривит тонкие губы, пока я рассказываю ему о своем чемодане, и, вытянув шею, смотрит на багаж «Хелло Китти», по-прежнему нарезающий круги на карусели.

— Рейс 5624 из Лос-Анджелеса? С пересадкой в Шарлотте? — Я киваю. — Вы уверены, что это не ваш?

— Абсолютно.

— Жаль. Хотя, думаю, он найдется. Вам нужно заполнить вот это. — Выдвинув ящик, он достает бланк и дает его мне. — Где-то тут была ручка, — бормочет он, без особого усердия хлопая по стопке бумаг.

— У меня есть.

Расстегнув молнию наружного кармана на рюкзаке, я вытаскиваю и кладу на стойку книгу в твер-

дом переплете и пытаюсь нашарить ручку. При виде потрепанной обложки Эзра поднимает брови.

— Ты серьезно, Эллери? — спрашивает он. — Ты взяла в самолет «Хладнокровное убийство»? Почему ты не отправила его с остальными книгами?

— Она ценная, — говорю я в свое оправдание.

Эзра закатывает глаза.

— Ты же *знаешь*, что подпись Трумена Капоте ненастоящая. Сейди надули.

— Ну и что. Важно намерение, — бормочу я. Четыре года назад, получив роль Трупа № 2 в «Законе и порядке», наша мать купила мне на «И-Бей» «подписанный» экземпляр первого издания. Эзре она подарила обложку от альбома «Секс пистолс» с автографом Сида Вишеса, вероятно, таким же фальшивым. Вместо этого следовало бы купить автомобиль с надежными тормозами, но Сейди никогда не умела планировать наперед. — В любом случае, ты же знаешь эту присказку. Пришел в страну одноглазых...

Ручка наконец отыскивается, и я начинаю вписывать в бланк свое имя.

— Значит, вы направляетесь в Эхо-Ридж? — спрашивает Энди. Я замираю перед вторым «к» в моей фамилии, и он поясняет: — Его больше так не называют. И вы рано. Он откроется только через неделю.

— Знаю. Я не тематический парк имела в виду. Я имела в виду... — Я умолкаю, не сказав «город», и запихиваю «Хладнокровное убийство» в рюкзак. — Не важно, — говорю я, возвращаясь к бланку заявления. — Сколько времени обычно занимает поиск багажа?

— По идее, не больше дня. — Энди переводит взгляд с Эзры на меня. — Вы, ребята, очень похожи. Близнецы?

Я киваю, продолжая писать. Неизменно вежливый Эзра отвечает:

— Да.

— Я тоже должен был быть близнецом, — заявляет Энди. — Но второго поглотила матка. — Эзра удивленно фыркает, и я подавляю смешок. Это постоянно случается с моим братом; люди делятся с ним самыми странными вещами. Может, у нас и одинаковые лица, но доверие у всех вызывает его физиономия. — Я всегда считал, что здорово было бы иметь близнеца. Можно притворяться друг другом и путать людей. — Я подняла взгляд, и Энди, прищурившись, снова оглядел нас. — Ну. Думаю, у вас это не получится. Вы не полные близнецы.

— Определенно, нет, — с застывшей улыбкой отвечает Эзра.

Я пишу быстрее и вручаю заполненный бланк Энди, который отрывает верхние листки и отдает мне копию на желтой бумаге.

— Значит, мне кто-то позвонит, да? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает Энди. — Если не позвонят завтра, позвоните по номеру, указанному внизу. Желая хорошо отдохнуть в Эхо-Ридже.

Эзра громко вздыхает, когда мы идем к вращающейся двери, и я улыбаюсь ему через плечо.

— Ты обзаводишься милейшими друзьями.

Он передергивается.

— Из головы не выходит. *Поглотила*. Как это вообще может случиться? Неужели он... Нет. Не стану

сочинять. И знать не хочу. Как, однако, наверное, странно расти с этим, а? Зная, что не тем близнецом вполне мог оказаться ты.

Мы выходим из двери навстречу волне душного, насыщенного выхлопными газами воздуха, который застаёт меня врасплох. Я ожидала, что даже в последний день августа в Вермонте будет куда холоднее, чем в Калифорнии. Я приподнимаю волосы на шее, а Эзра прокручивает сообщения в телефоне.

— Бабуля говорит, что объезжает по кругу, потому что не хочет парковаться, — сообщает он.

Я поднимаю брови.

— Бабуля пишет сообщения и ведет машину?

— По-видимому.

Я не видела бабушку с тех пор, как она навещала нас в Калифорнии десять лет назад, но, по моим воспоминаниям, это было на нее не похоже.

Мы ждем еще несколько минут, изнывая от жары, пока рядом с нами не останавливается оливкового цвета «Субару»-универсал. Стекло со стороны пассажирского сиденья опускается, и высовывается бабулина голова. Бабушка очень похожа на себя по «Скайпу», хотя густую седую челку явно подстригли недавно.

— Давайте, садитесь, — зовет она, косясь на полицейского-автоинспектора в нескольких шагах от нас. — Стоять можно не больше минуты.

Голова бабули скрывается, и Эзра катит свой одинокий чемодан к багажнику.

Когда мы забираемся на заднее сиденье, бабуля поворачивается к нам, поворачивается и более молодая женщина, которая сидит за рулем.

— Эллери, Эзра, это Мелани Килдафф. Ее семья живет на нашей улице. У меня было жуткое ночное видение, поэтому Мелани оказала любезность и села за руль. В молодости она одно время сидела с вашей матерью, когда та была младенцем. Вероятно, вы слышали это имя.

Вытаращив глаза, мы с Эзрой переглядываемся.
Да. Да, слышали.

Сейди уехала из Эхо-Риджа, когда ей было восемнадцать, и приезжала сюда всего дважды. Первый раз за год до нашего рождения, когда умер от инфаркта наш дед. Во второй раз это произошло пять лет назад — она поехала на похороны дочери-подростка Мелани.

Мы с Эзрой сидели дома и смотрели специальный выпуск сериала о подлинных преступлениях — «Тайна Территории убийства», с нами осталась наша соседка. Меня заворожила история Лейси Килдафф, красивой блондинки, королевы осеннего бала в родном городе моей матери; девушку нашли задушенной в тематическом парке «Хэллоуин». Энди из аэропорта был прав; несколько месяцев спустя владелец парка изменил название «Территория убийств» на «Ферма страха». Думаю, этот случай не привлек бы такого внимания всей страны, если бы не попавшее в точку название парка.

Или если бы Лейси не стала второй красавицей-подростком из Эхо-Риджа — даже с той же улицы, — попавшей в трагические заголовки средств массовой информации.

Вернувшись с похорон Лейси, Сейди не ответила ни на один наш вопрос.

— Я просто хочу об этом забыть, — говорила она всякий раз, когда мы спрашивали. Именно это она говорила про Эхо-Ридж всю нашу жизнь.

Какая ирония, думается мне, что в конце концов мы здесь оказались.

— Приятно познакомиться, — произносит Эзра, пока я каким-то образом ухитряюсь подавиться собственной слюной. Он стучает меня по спине, сильнее, чем необходимо.

Мелани красива поблекшей красотой, у нее светло-русые волосы, заплетенные во французскую косу, светло-голубые глаза, россыпь веснушек. Она обезоруживающе улыбается, демонстрируя отсутствие некоторых зубов.

— Взаимно. Простите, что опоздали, но движение на удивление плотное. Как долетели?

Не успевает Эзра ответить, как громкий стук по крыше «Субару» заставляет бабулю подскочить.

— Продолжайте движение, — кричит автоинспектор.

— Берлингтон *самый грубый* город, — пыхтит бабуля. Нажатием кнопки она поднимает стекло, а Мелани пристраивается за каким-то такси.

Таращась в затылок Мелани, я вожусь с ремнем безопасности. Не ожидала вот так ее встретить. Я понимала, что рано или поздно это произойдет, раз уж они с бабулей соседки, но я думала, что просто помашу ей рукой, когда буду выносить мусор, но никак не отправлюсь с ней в часовую поездку, едва приземлившись в Вермонте.

— Я сожалею из-за происшествия с вашей мамой, — произносит Мелани, выезжая с территории аэропорта и двигаясь по узкому шоссе, пестрящему

дорожными знаками на зеленом фоне. Почти десять часов вечера, и группки строений перед нами мерцают освещенными окнами. — Но я рада, что она получает всю необходимую помощь. Сейди такая сильная женщина. Уверена, вы скоро с ней воссоединитесь, но надеюсь, что вы хорошо проведете время в Эхо-Ридже. Это милый городок. Я знаю, что Норе не терпится вам его показать.

Вот. *Вот* как следует вести неловкую беседу. Никакого тебе вступления: *«Мне жаль, что ваша мама въехала на своей машине в ювелирный магазин, находясь под сильным воздействием опиоидов, и теперь вынуждена проходить четырехмесячный курс реабилитации»*. Просто обозначь неприятную тему, отойди в сторону и плавно переместись в более спокойные воды разговора.

Добро пожаловать в Эхо-Ридж.

Вскоре после выезда на автостраду я засыпаю и не шевелюсь, пока резко не просыпаюсь от громкого шума. Такое впечатление, будто машину со всех сторон забрасывают камнями. В растерянности я поворачиваюсь к Эзре, но он также ничего не понимает. Бабуля поворачивается на своем сиденье и кричит, чтобы перекрыть грохот.

— Град. Не такая уж редкость в это время года. Хотя довольно крупный в этот раз.

— Я остановлюсь, пусть пройдет, — кричит Мелани.

Она сворачивает с дороги в парк. Град припускает сильнее, и я невольно думаю, что потом Мелани обнаружит на своей машине сотни крохотных ско-

лов. Одна особенно крупная градина ударяет прямо в центр лобового стекла, так что все мы вздрагиваем.

— Почему идет *град*? — спрашиваю я. — В Берлингтоне же было жарко.

— Град формируется в облачном слое, — объясняет бабуля, показывая на небо. — Там температура минусовая. Но на земле градины быстро растают.

Теплоты в ее голосе нет — не уверена, что бабуля вообще способна не такое чувство, — но впервые за вечер он звучит оживленно. По профессии бабуля учитель, и очевидно, что в этой роли она чувствует себя более комфортно, чем в роли бабушки-опекунши. Но я ее не виню. Ей придется терпеть нас в течение шестнадцати недель лечения, предписанного Сейди судом, и наоборот. Судья настоял, чтобы мы жили с родственниками, что резко ограничило наши возможности. Наш отец был мужчиной на одну ночь — каскадер, ну, или так он себя называл в течение двух часов страсти, которые они с Сейди провели вместе после знакомства в каком-то клубе в Лос-Анджелесе. У нас нет ни теток, ни дядьёв, ни двоюродных братьев и сестер. Ни одной способной приютить нас живой души, за исключением бабули.

Несколько минут мы сидим в молчании, наблюдая, как градины отскакивают от капота машины, пока интенсивность града не снижается и он наконец не прекращается совсем. Мелани возвращается на дорогу, и я смотрю на часы на приборной доске. Скоро одиннадцать; я проспала почти час. Ткнув Эзру в бок, я спрашиваю:

— Мы уже почти на месте, да?

— Почти, — отвечает Эзра. Понижает голос. — Какая насыщенная жизнь в пятницу вечером.

Сколько миль проехали и не встретили ни одного здания.

За окном непроглядная тьма, и, даже несколько раз протерев глаза, я смутно вижу только расплывчатые силуэты деревьев. Однако я не оставляю попыток, потому что хочу увидеть место, из которого Сейди уехала при первой же возможности. «Это похоже на жизнь внутри почтовой открытки, — говорила она. — Красивое, солнечное и замкнутое пространство. Все в Эхо-Ридже живут так, будто ты исчезнешь, если осмелишься пересечь границу».

Колесо автомобиля попадает в выбоину, меня бросает в сторону, и ремень безопасности впивается в шею. Эзра зевает так сильно, что его челюсть издаст щелчок. Уверена, что, пока я спала, он чувствовал себя обязанным бодрствовать и поддерживать беседу, хотя уже несколько дней мы оба толком не спали.

— До дома меньше мили. — Мы оба вздрагиваем от голоса бабули, донесшегося с переднего сиденья. — Мы только что проехали баннер «Добро пожаловать в Эхо-Ридж», хотя он так плохо освещен, что, думаю, вы его даже не заметили.

Она права. Я не заметила, хотя делала мысленную заметку не пропустить его. Этот самый баннер, о котором, в числе немногих других вещей, связанных с Эхо-Риджем, Сейди вообще говорила, обычно после нескольких бокалов вина. «Население 4935 человек. Никогда не менялось за все восемнадцать лет, что я там прожила, — говорила она с ухмылкой. — По-видимому, если ты собираешься кого-то привезти, сначала нужно кого-то увезти».

— Эстакада, Мелани.

В голосе бабули звучит предостережение.

— Я знаю.

Дорога резко поворачивает, когда мы проезжаем под аркой из серого камня, и Мелани до предела снижает скорость. Фонарей на этом участке дороги нет, и она включает дальний свет.

— Нет пассажира хуже бабули, — шепчет Эзра.

— Правда? — тоже шепотом отвечаю я. — Но Мелани так осторожно ведет.

— Если только мы не стоим на красный свет, мы едем слишком быстро.

Я фыркаю как раз в тот момент, когда моя бабушка рывкает: «Стой!» — таким приказным тоном, что мы с Эзрой вздрагиваем. На долю секунды я думаю, что ее слух улавливает ультразвуковые частоты и ее раздражает наша несдержанность. Затем Мелани бьет по тормозам, остановив автомобиль так резко, что я ныряю вперед, натянув ремень безопасности.

— Какого?.. — одновременно произносим мы с Эзрой, но Мелани и бабуля уже отстегнули свои ремни и выбрались из машины.

Мы растерянно переглядываемся и тоже вылезаем наружу. На земле вокруг нас лужи полурастаявшего града, и я обхожу их, направляясь к бабушке. Она стоит перед автомобилем Мелани, уставившись на участок дороги, ярко освещенный фарами.

И на неподвижную фигуру, лежащую как раз посередине дороги. Это мужчина, весь в крови, шея неестественно вывернута, а широко открытые глаза смотрят в никуда.